

Ольга Старовойтова

**Три
грации
Петроградской
стороны**

Ольга Старовойтова
Три грации
Петроградской стороны
Серия «Три грации», книга 1

*<https://litres.ru/74029583>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Когда в размеренную жизнь интеллигентных петербурженков, переживших блокаду, врывается обманутая провинциалка Катя, потерявшая всё из-за афериста Андрея Волкова, дамы решают, что это их шанс восстановить справедливость. Вооружившись интеллектом и непоколебимыми понятиями о чести, они начинают собственное расследование.

Но Волков — не просто мошенник. Он — порождение слепой родительской любви и вседозволенности, и он готов на всё, чтобы заставить замолчать тех, кто встал у него на пути. Игра в кошки-мышки перерастает в настоящую войну, где на кону стоят не только деньги, но и жизни.

Сумеют ли три элегантные пенсионерки переиграть безжалостного преступника? И какую цену им придётся заплатить за победу?

«Три грации Петроградской стороны» — это не просто ироничный детектив. Это гимн Петербургу и его удивительным

жителям, которые даже в самом преклонном возрасте готовы бороться за правду.

Содержание

Глава 1. Три грации и мазня на Малой Посадской	5
Глава 2. Экзерсис на рассвете и гранитная проза	21
Глава 3. Психологический портрет на три голоса	26
Глава 4. Ангел на шпиле и блокадный клейстер	31
Глава 5. Цифровой след на Васильевском острове	36
Глава 6. Операция "Скамейка" и дворцовый переворот	40
Глава 7. Кухня на Васильевском и риелтор с бархатным голосом	46
Глава 8. Ночь откровений на Каменноостровском	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Три грации Петроградской стороны

Глава 1. Три грации и мазня на Малой Посадской

В квартире на Каменноостровском проспекте пахло так, как пахнет только в старых петербургских домах, где время течет иначе: смесью книжной пыли, воска для паркета и едва уловимого аромата ванили. Было ровно девять утра — время, когда три судьбы, сплетенные в тугой узел еще в блокадном детстве, сходились за круглым столом под матерчатым абажуром с бахромой.

Серафима Павловна Нестерова, историк и экскурсовод Русского музея, уже водрузила на нос очки в роговой оправе и с выражением крайнего возмущения на лице читала свежий выпуск «Коммерсанта». Её седые волосы, собранные в тугой пучок на затылке, были сколоты шпилькой с перламутровой головкой — той самой, что помнила еще лекции в университете.

— Нет, вы только послушайте! — воскликнула она, шлепая газетой по столу так, что фарфоровые чашки тонкого кузнецовского сервиза жалобно звякнули. — «Молодой ху-

дожник из Екатеринбурга представил инсталляцию "Душа асфальта", представляющую собой холст, густо вымазанный черной смолой». Смолой! Аглая, душа моя, ты слышишь? Это же просто мазня! Где линия? Где светотень? Где божественная пропорция? Это не искусство, это профанация!

Аглая Эдуардовна Лебедева, бывшая прима-балерина Мариинки, сидела напротив с идеально прямой спиной. Она не спеша помешивала серебряной ложечкой чай с молоком — её неизменный утренний ритуал. На ней был строгий шелковый халат цвета слоновой кости, перехваченный поясом с кистями.

— Серафима, душенька, не кипятись так с утра. Это вредно для давления, — мелодично произнесла она, не поднимая глаз от своей чашки. — В наше время в Мариинке тоже были свои... экспериментаторы. Помнишь того хореографа-модерниста? Он заставлял нас танцевать босиком на осколках стекла во имя «нового прочтения Жизели». Я тогда сказала: «Милый мой, если вы хотите увидеть кровь на сцене, я могу просто пырнуть себя ножом в кулисах. Это будет честнее».

Серафима фыркнула в салфетку. Аглая же сделала маленький глоток и поставила чашку на блюде с едва слышным стуком.

— Искусство — это дисциплина. Это выверенный жест. А то, что ты описываешь... Это просто неумение держать кисть или карандаш. Пусть этот юноша из Екатеринбурга сначала научится рисовать гипсовую голову Сократа с натуры, а по-

том уже изливает свою душу на холст.

В этот момент в кухню вплыла Эльвира Генриховна фон Клейст. В отличие от подруг, она уже была полностью одета для выхода в свет: элегантный твидовый костюм цвета грозового неба (подарок от благодарной ученицы из французского консульства), нитка жемчуга на шее и неизменная шляпка-таблетка, сдвинутая чуть набок.

— Bonjour, mesdames! — провозгласила она, присаживаясь к столу. — Я слышу ваши крики еще из прихожей. Вы снова обсуждаете современное искусство? О-ля-ля. Я вам как лингвист скажу: это не искусство. Это *le charabia*. Тарабарщина. Когда я вижу "инсталляцию из смолы", я вижу лишь отсутствие словарного запаса у автора. Он просто не знает, как назвать это по-другому.

Эльвира Генриховна изящным движением взяла с блюда круассан (купленный вчера в пекарне на Чкаловском) и макнула его в свой кофе.

— Но я знаю одного местного художника... — продолжила она после паузы, промокнув губы салфеткой. — Павел Петрович. Он пишет виды Петроградки. Не эти ваши абстракции, а настоящие пейзажи. Мокрый гранит набережных, свет в окнах доходных домов... У него сейчас персональная выставка в галерее на Малой Посадской.

— Тот самый Павел Петрович? Который раньше преподавал в Мухе? — оживилась Серафима.

— Именно он. Я вчера была у него на вернисаже по слу-

чаю открытия. Там было человек пять ценителей и один очень пьяный критик из Москвы. Но работы... Работы чудесные. Он пишет город так, как его видим мы с вами — без прикрас, но с огромной любовью к каждой трещинке на фасаде.

Аглая отставила чашку.

— Дамы, а ведь это прекрасная мысль для прогулки! Погода сегодня располагает к созерцанию: тот самый ленинградский морозящий дождь, который делает гранит мокрым и блестящим, как спина тюленя.

— И туман над Невой! — подхватила Серафима, уже складывая газету. — В такую погоду город становится акварельным. Мы просто обязаны это увидеть! Я возьму свой зонт-трость с ручкой в виде головы пуделя?

— Возьми лучше мой новый японский зонт-автомат, — предложила Эльвира Генриховна. — Он помещается в мою любимую сумку от Шанель и не протекает.

Через полчаса три дамы чинно шествовали по улицам Петербурга. Аглая Эдуардовна несла себя так, словно за ней вот-вот должен был спуститься партнер для поддержки фуэте; Серафима Павловна размахивала зонтом-тростью, комментируя архитектурные детали соседних зданий; Эльвира Генриховна держала над головой изящный автоматический зонтик и брезгливо обходила лужи в своих замшевых туфлях.

Они свернули с Каменноостровского на улицу Мира и на-

правились к набережной Карповки. Галерея находилась в полуподвальном помещении старого доходного дома: узкая дверь вела вниз по ступенькам в теплое нутро, пахнущее скипидаром и свежесваренным кофе из автомата в углу.

Внутри было тихо и сумрачно. На стенах висели полотна: Петроградская сторона без парадного лоска центральных улиц. Вот двор-колодец на Песочной набережной, где белье сушится на веревках между окнами; вот угол Большого проспекта с одиноким фонарем; вот вид на Петропавловский собор сквозь голые ветви деревьев.

Дамы медленно переходили от картины к картине.

— Смотрите, здесь он поймал тот самый серый свет... — шептала Серафима, наклоняясь ближе к холсту.

— А здесь фактура камня передана божественно... — вторила ей Аглая.

— *Magnifique*, — резюмировала Эльвира Генриховна. — Он пишет наш город так, как мы его чувствуем изнутри.

Они уже собирались покинуть галерею через черный ход, который вел прямо во двор-колодец (это был любимый маршрут Эльвиры Генриховны для сокращения пути), когда их внимание привлек тихий звук. Это было не всхлипывание даже, а какой-то надломленный выдох отчаяния.

В углу двора, прислонившись спиной к холодной кирпичной стене и обхватив руками большую спортивную сумку, сидела девушка лет двадцати пяти. Её плечи мелко дрожали под тонкой курточкой не по погоде. Рядом стояла клетчатая

китайская сумка-тележка на колесиках — верный спутник тех, кто приехал покорять большой город с одним чемоданом надежд.

Серафима Павловна замерла на месте и толкнула локтем Аглаю Эдуардовну:

— Смотри-ка... Кажется, кому-то нужна помощь.

Эльвира Генриховна поправила шляпку и решительно направилась к незнакомке. Подруги последовали за ней, инстинктивно выстраиваясь привычным треугольником: Аглая чуть позади (поддержка), Серафима сбоку (готовность к диалогу), Эльвира — вперед (инициатива).

— Mademoiselle? — мягко произнесла Эльвира Генриховна по-французски, останавливаясь в паре шагов от девушки.
— Вам нездоровится?

Девушка вздрогнула от неожиданности и подняла заплаканное лицо. В её глазах плескался такой ужас и растерянность, что даже у выдавшей виды балерины Аглаи Эдуардовны кольнуло сердце.

— Я... я жду... — пролепетала девушка по-русски с легким акцентом маленького города. — Он должен был приехать...

Она снова уткнулась лицом в колени, не в силах продолжать.

Серафима Павловна решительно раскрыла свой огромный зонт-трость над девушкой, защищая её от мелкой водяной пыли, сыплющейся с крыш.

— Ну-ну, милая моя, не надо так убиваться под дождем. Вы простудите почки. Давайте-ка мы вас отсюда уведем. В нашем возрасте сквозняки — это смерть для суставов. А вам еще жить да жить... Расскажите нам всё за чаем с малиновым вареньем.

Девушка подняла на них огромные, полные слез глаза:

— У меня нет денег... И он обманул меня...

Эльвира Генриховна тонко улыбнулась той самой улыбкой, которая обычно предвещала разоблачение нерадивых учеников или некомпетентных официантов:

— Милая моя девочка. Если вас обманул мужчина — это повод выпить чаю у камина в компании трех старых интриганок из Петербурга. А деньги... Деньги — это самая эфемерная субстанция на свете после мужского обещания быть верным до гроба. Поверьте моему опыту лингвиста: слова «я тебя люблю» стоят дешевле бумаги в туалете вокзала. А вот малиновое варенье Аглаи Эдуардовны имеет реальную ценность для здоровья.

Она протянула девушке руку в тонкой кожаной перчатке:

— Вставайте же. Нас ждет чайник величиной с ведро и история о самом большом обмане в вашей жизни... пока мы будем решать, как наказать вашего проходимца.

Девушка неуверенно ухватила за протянутую руку и поднялась на ноги...

Квартира встретила их знакомым теплом и запахом вос-

ка. Девушка, которую старушки, не спрашивая имени, уже окрестили про себя «бедняжкой», переступила порог и замерла, словно наткнувшись на невидимую стену. Она ожидала увидеть типичное жилище одиноких пенсионерок: продавленный диван, сервант с дешевыми слониками и запах валерьянки. Но реальность оказалась совершенно иной.

Это был музей, в котором продолжали жить. Высокие потолки с лепниной, дубовый паркет, натертый до зеркального блеска — в нем отражался свет хрустальной люстры. На стенах, оклеенных шелковыми обоями в мелкий цветочек, висели не репродукции из журналов, а настоящие картины в тяжелых рамах. В углу гостиной стояло черное пианино «Бекштейн», накрытое кружевной накидкой.

— Раздевайтесь, душенька, — мягко скомандовала Аглая Эдуардовна, принимая у госты мокрую от дождя куртку. — И обувь снимайте. У нас паркет штучный, дубовый, ему больше ста лет. Мы его постоянно натираем замшей, а вот лишнюю воду он не любит.

Девушка послушно стянула кроссовки, оставшись в тонких носках, и с опаской ступила на пол. Ей показалось, что она идет по льду на катке — так гладко и скользко было дерево.

— Какая... красота, — выдохнула она, проводя рукой по резному подлокотнику кресла в стиле модерн. — Это же... это же целое состояние стоит.

Серафима Павловна, колдовавшая у старинного буфета

красного дерева, обернулась и усмехнулась:

— Состояние? Милая моя, в блокаду за этот буфет нам выдали бы полбуханки хлеба. А за эту люстру — может, целую. Но мы не продали ничего.

Эльвира Генриховна, уже успевшая снять шляпку и накинуть на плечи кашемировую шаль, грациозно опустилась в кресло и жестом пригласила девушку сесть напротив.

— Видите ли, деточка, — начала она своим бархатным голосом. — В сорок втором году мы были детьми. Мне было восемь, Аглае шесть, а Серафиме почти десять. Наши семьи дружили. И вот однажды ночью к нам постучали. Это были не грабители в привычном понимании... Это были люди из «трофейных команд» или просто мародеры с ордерами на изъятие ценностей для нужд фронта или обмена на еду.

Серафима поставила на стол вазочку с малиновым вареньем — густым, рубинового цвета, в котором застыли целые ягоды.

— Они пришли за серебром моей прабабушки. Чистым серебром георгианской эпохи. Ложки, вилки... Мы сидели в темноте и слышали их шаги в гостиной. И тогда моя мама... Она была очень умной женщиной. Она взяла все серебро и завернула его в грязную ветошь вместе с остатками еды и картофельными очистками.

Аглая Эдуардовна подхватила рассказ, разливая чай из пузатого серебряного самовара.

— А я... я была самая маленькая и юркая. Я спряталась за

портьерой в бабушкиной комнате. И когда один из них полез в комод за шкатулкой с драгоценностями, я так закричала... Представила себя Одеттой, которую обижают злые силы. Я кричала про призраков прадедушки и про то, что он придет за ними с того света. Они так испугались этого детского визга в пустой темной квартире, что просто сбежали.

Девушка слушала их, открыв рот. Она переводила взгляд с одной величественной старушки на другую и не могла поверить своим ушам. Перед ней сидели не просто пенсионерки, а живые легенды.

Её внимание привлек стол. Он был накрыт не клеенкой и даже не простой скатертью. Это было белоснежное льняное полотно с ручной вышивкой гладью по краям — тонкий узор из виноградных лоз и павлинов. В центре стояла серебряная конфетница с шоколадными трюфелями ручной работы (покупка к празднику от Эльвиры Генриховны).

Но главным чудом был чайный сервиз. Девушка никогда не видела ничего подобного. Это был знаменитый кузнецовский фарфор «Времена года». На белоснежных чашках танцевали пастушки и пастухи под цветущими яблонями.

— Присаживайтесь к столу, дорогая, — пригласила Аглая Эдуардовна, указывая на стул с гнутой спинкой. — Не бойтесь испачкать скатерть. Эта скатерть пережила три эвакуации и одну стирку в Неве во время наводнения семьдесят седьмого года. Ей уже ничего не страшно.

Девушка осторожно опустилась на стул. Он был мягким

и удобным.

— Я... меня зовут Катя... Екатерина из Вятки... То есть из Кирова.

Серафима Павловна щедро положила ей в розетку варенье.

— Вятские — ребята хватские! Ешьте варенье, Катенька. Силы вам понадобятся для рассказа. Мы внимательно слушаем вашу историю о том самом проходимце.

Катя взяла в руки чашку. Она была невесомой и теплой от налитого чая. От контраста между этой изысканной обстановкой и её собственной катастрофой у неё снова задрожал подбородок.

— Я приехала к нему... К Андрею... Он сказал, что мы поженимся... Я продала свою квартиру там... Все деньги ему перевела...

Она всхлипнула и поставила чашку на блюдце так резко, что чай выплеснулся на скатерть. Девушку охватил ужас: она испортила эту невероятную вещь!

— Ой! Простите! Простите меня! — залепетала она, пытаясь промокнуть пятно салфеткой.

Эльвира Генриховна лишь небрежно махнула рукой:

— Mon Dieu! Катенька, это всего лишь чай! Пятно от слез на душе вывести гораздо сложнее. Пейте чай и рассказывайте всё по порядку. Мы должны знать имя врага в лицо.

Катя подняла глаза на трех женщин, которые смотрели на неё с таким участием и спокойной уверенностью в своих си-

лах, что ей вдруг стало немного легче. Она поняла: эти дамы не просто выслушают её историю. Они будут её расследовать.

Катя сделала глоток чая. Напиток был удивительно вкусным — крепким, ароматным, с нотками каких-то трав. Он обжигал горло, но вместе с теплом по телу разливалось спокойствие. Эти три женщины слушали так внимательно, что сбиваться или стесняться не получалось. Они просто ждали продолжения, и Катя продолжила.

— Бабушка... она меня вырастила. Отца я никогда не знала, а мама... Мама много болела. У неё было слабое сердце. Я её почти не помню, только запах лекарств и то, как она лежит. А потом её не стало. И остались мы с бабушкой вдвоём.

Аглая Эдуардовна тихо вздохнула и чуть заметно кивнула. Серафима Павловна подлила ей ещё чаю.

— Жили мы в Кирове, в старом доме недалеко от набережной. Не богато, конечно. Бабушка до последнего работала в библиотеке. Говорила, что книги — это единственное богатство, которое нельзя проесть. Туда же и меня пристроила после школы. Так и жили. Я думала, так будет всегда...

Голос Кати дрогнул. Она снова посмотрела на свои руки, сжимающие хрупкую фарфоровую чашку.

— Когда бабушки не стало... мне показалось, что мир рухнул. В квартире всё напоминало о ней. Каждая книга на полке, каждая трещинка на паркете. Стало так пусто и одино-

ко... Что я зачем-то зашла на сайт знакомств. Просто чтобы услышать чей-то голос. Там были одни хамы с неприличными предложениями или мужчины, выдававшие себя за бизнесменов с «Лексусами». А потом появился Андрей.

Она подняла глаза на старушек.

— Он был другой. Простой инженер из Питера. Работал на заводе. Никаких понтов. Мы сначала просто переписывались. О книгах, о погоде... Потом он попросил мой номер телефона. Мы созванивались каждый вечер. А когда поняли, что говорим часами напролёт, перешли на видео-звонки. Мне казалось, что я знаю его всю жизнь.

Эльвира Генриховна слушала молча, постукивая длинными пальцами по столу. Её лицо оставалось непроницаемым, но в глазах читался профессиональный интерес филолога к тексту чужой жизни.

— Через месяц он сказал: «Кать, приезжай. Давай попробуем жить вместе». Я испугалась, конечно. Но... очень хотела. Очень-очень. Он сказал, что своего жилья у него нет, снимает комнату, но есть небольшие накопления. Если я продам свою квартиру, доставшуюся от бабушки, нам хватит на первоначальный взнос. Мы купим студию где-нибудь в новостройке, возьмём ипотеку, будем платить вместе...

Катя замолчала, собираясь с силами. Аглая Эдуардовна легонько коснулась её плеча своей сухой ладонью.

— Продолжайте, голубушка. Худшее уже случилось. Остались детали.

— Да... Покупатель нашёлся быстро. Всё произошло так стремительно... Я подписала документы, получила деньги и перевела их Андрею. Оставила себе только на билет. В ответ он прислал мне на всякий случай адрес, куда ехать. И сказал, что обязательно встретит на вокзале.

Девушка закрыла лицо руками.

— Я вышла из вагона с этой сумкой-тележкой... Огляделась. Его нигде не было. Я позвонила. Телефон выключен. Снова. И снова. Я стояла там, как дура, с вещами... А потом села прямо на эту сумку во дворе-колодце и поняла, что у меня ничего нет. Ни дома, ни денег, ни человека, которого я любила. Только адрес квартиры, которой не существует.

В кухне повисла тяжёлая тишина. Было слышно лишь тиканье старинных напольных часов в коридоре да шум дождя за окном.

Первой нарушила молчание Эльвира Генриховна.

— *Quelle bêtise*. Какая глупость. Нет, милочка, вы не глупая. Вы несчастная и доверчивая. Это разные вещи. Но теперь вы здесь. И мы, кажется, знаем, чем займёмся этим вечером.

Серафима Павловна решительно отставила свою чашку.

— Для начала нужно проверить факты. Этот ваш Андрей... У вас осталась хоть какая-то переписка? Номер счёта, на который ушли деньги? Хоть что-нибудь?

Катя закивала, роясь в карманах джинсов.

— Да! Конечно! Переписка вся в телефоне! И... вот!

Она достала помятую бумажку.

— Это номер карты. Он прислал мне его для перевода. И... и его полное имя Иванов Андрей Петрович, хотя паспорт я не видела. Собственно, как и Андрея живьем, только на экране телефона.

Эльвира Генриховна взяла бумажку двумя пальцами, словно боялась испачкаться, и прочитала вслух:

— «Иванов Андрей Петрович».

Она брезгливо положила записку на стол.

— Типично. Архетипично. Самый распространённый псевдоним мошенника в России. Иванов. Как банально.

Аглая Эдуардовна встала и подошла к окну, глядя на мокрую улицу.

— Дамы, — произнесла она, не оборачиваясь. Голос её звучал непривычно строго. — Нам брошен вызов. Перед нами стоит юное создание, попавшее в беду по вине проходимца. Мы не можем оставить это просто так. Мы должны найти этого... Иванова. Вернуть девушке её деньги. Или хотя бы убедиться, что этот мерзавец больше никому не причинит вреда.

Серафима Павловна воинственно поправила очки.

— Полностью поддерживаю. У нас есть опыт, связи и главное — знание человеческой природы. Мы видели такое в блокаду, видим сейчас. Подлость не имеет срока давности.

Эльвира Генриховна элегантно промокнула губы салфеткой и улыбнулась Кате той самой улыбкой, которая обычно

предвещала разоблачение нерадивых учеников.

— Ну что ж, Екатерина из Вятки. Добро пожаловать в наше детективное агентство. Операция «Антикварный лохотрон» начинается. Для начала вы останетесь у нас. Места предостаточно. А завтра мы нанесем визит в банк. У меня есть знакомый операционист, который должен мне услугу за одну маленькую консультацию по французскому языку.

Катя смотрела на трёх женщин, которые секунду назад казались ей музейными экспонатами, а теперь превратились в боевой отряд. На её грязном от слёз лице впервые за весь день появилась робкая надежда.

Глава 2. Экзерсис на рассвете и гранитная проза

Катя проснулась от странного звука. Не от привычного шума машин за окном или соседского перфоратора, а от тихой, но очень ритмичной музыки. Что-то классическое, возвышенное — то ли Шопен, то ли Шуман. Она открыла глаза. Комната, которую ей вчера выделила Аглая Эдуардовна, была залита мягким утренним светом. На антикварном комоде тикали часы с бронзовыми амурами.

Музыка доносилась из-за стены. Катя накинула халат, который был ей велик размера на три, и выглянула в коридор. Звуки привели её к дверям гостиной, которые были приоткрыты.

То, что она увидела, заставило её замереть на месте. Посреди комнаты, у огромного окна с видом на мокрый после дождя Каменноостровский проспект, стояла Аглая Эдуардовна. Но это была не та уставшая пожилая женщина, которая вчера поила её чаем. Сейчас перед ней была прима. Строгий шелковый халат облегал всё еще стройную фигуру, спина была идеально прямой, шея вытянута вверх, словно лебединая. Её руки порхали в воздухе, выполняя невидимые, плавные движения под музыку, лившуюся из старого патефона.

— Battement tendu... Раз-два-три... И плите... — шептала себе под нос балерина, плавно опускаясь в глубокое приседание, а затем так же легко поднимаясь.

Заметив Катю в отражении оконного стекла, Аглая Эдуардовна не смутилась. Она закончила движение красивым жестом и выключила патефон.

— Доброе утро, Екатерина. Простите, если разбудила вас своей музыкой. В нашем возрасте тело требует ежедневной настройки, как старый рояль. Без экзерсиса суставы деревенеют, а душа грустнеет. Присоединитесь? У меня есть второй комплект трико вашего размера.

Катя лишь покачала головой, не находя слов.

В этот момент из ванной вышла Эльвира Генриховна. Её волосы были убраны под сеточку, а лицо покрыто какой-то зеленоватой маской.

— Bonjour! — бодро поздоровалась она. — Я сделала маску из водорослей, которые привезла мне подруга из Англии. Говорят, они творят чудеса. Серафима сейчас колдует над завтраком. Мы решили устроить сегодня французский день: омлет с трюфельным маслом и круассаны.

Завтрак действительно напоминал сцену из кино про красивую жизнь. Стол снова был сервирован безупречно. Ска-терть сияла белизной, кузнецовский фарфор ждал своего часа. Серафима Павловна внесла блюдо с пышным, воздушным омлетом, от которого исходил умопомрачительный аромат грибов и чего-то ещё, дорогого и незнакомого. Рядом

дымились настоящие французские круассаны.

— Ешьте, Катенька, — велела Серафима, намазывая свой круассан толстым слоем малинового варенья. — Вам понадобятся силы. Сегодня мы идем в банк.

Банк встретил их холодом кондиционеров и запахом строгих бумаг. Отделение находилось в новом бизнес-центре недалеко от Петроградской. Дамы вошли внутрь, ведя за собой оробевшую Катю. Они выглядели здесь инородными телами — три элегантные фигуры из прошлого века среди сутливых менеджеров в дешевых костюмах.

Эльвира Генриховна подошла к стойке информации и произнесла фразу, от которой молоденькая операционистка вздрогнула:

— Нам нужен управляющий. Немедленно. Передайте ему, что пришла мадам фон Клейст. Он знает, о ком идет речь.

Девушка скрылась за дверью кабинета, но вернулась через минуту с виноватым лицом.

— Мадам, простите, но господина Свиридова сегодня нет. Он заболел. Пришел другой менеджер...

Эльвира Генриховна поморщилась так, будто съела лимон целиком вместе с кожурой.

— Болен? Какая досада. Весьма некстати. Что ж, дамы, операция откладывается. Банк без Свиридова бесполезен. Пойдемте отсюда. Здесь душно.

Они вышли на улицу. Небо немного прояснилось, и город, умытый дождем, блестел чистыми стеклами витрин и мок-

рым гранитом набережных.

— Ну что ж, коль наша юридическая миссия провалилась, займемся культурной программой, — провозгласила Серафима Павловна, беря Катю под руку. — Вы ведь совсем не знаете наш район?

Прогулка превратилась в живой урок истории. Пока они шли по Большой Пушкарской в сторону Кронверкского проспекта, Серафима рассказывала:

— Видите эти дома? Их строили для офицеров и чиновников. Солидный кирпич, высокие потолки... А вот здесь, где сейчас аптека, раньше была мелочная лавка купца Елисева. Моя бабушка покупала там керосин. А мы с вами живем в самом сердце бывшей Петербургской стороны. Когда-то это был отдельный город-сад, пригород столицы. Отсюда начинался путь на дачи, в Стрельну и Петергоф.

Аглая Эдуардовна, шагавшая рядом, добавила:

— Именно поэтому мы все здесь и оказались. Этот дом — мой. Мне он достался от родителей. Вернее, нам троим. После войны, когда мы остались сиротами, государство выдало семьям погибших жилплощадь. Так наши квартиры оказались в одном парадном. Сначала мы просто дружили, а потом переехали в одну квартиру, самую большую, и стали сдавать остальные две, чтобы выжить в девяностые. Пенсии тогда хватало только на хлеб. Иных родных у нас и не осталось. Были неудачные браки — четыре на троих, но и это было очень давно.

— Вот так мы и создали нашу маленькую коммуну, — улыбнулась Серафима. — Четыре комнаты позволяют сохранять личное пространство. А главное — мы никогда не бываем одиноки. В Петербурге одиночество — это приговор.

Они свернули на Кировский проспект (бывший Каменноостровский).

— Посмотрите на эту решетку парка, — Серафима указала зонтиком-тростью на ограду. — Каждый завиток — это застывшая музыка металла. А вон там, видите шпиль? Это меч Петра, символ того, что город всегда будет стоять на страже. Знаете, Катя, Петербург умеет наказывать тех, кто пытается его обмануть. Ваш Андрей совершил ошибку. Он обидел одну из нас. А значит, он обидел весь город.

Катя слушала их, впитывая каждое слово. Ей казалось, что эти женщины знают какую-то тайну этого города, секрет выживания в нём, недоступный обычным людям. Они прошли мимо кинотеатра «Великан», миновали стадион «Петровский» и вышли к Троицкому мосту.

— Завтра мы попробуем зайти в банк снова, — твердо сказала Эльвира Генриховна, глядя на панораму Невы. — А пока давайте вернемся домой. Мы должны составить психологический портрет нашего Иванова. Детали решают всё.

Глава 3. Психологический портрет на три голоса

Вечер опустился на Петроградскую сторону мягко, но неотвратимо, словно театральный занавес. В квартире зажгли торшеры, наполнив комнаты уютным желтым светом. Катя сидела в кресле, закутавшись в огромный плед, который пах лавандой и старостью — удивительно успокаивающий запах. На столике перед ней стоял стакан горячего молока с медом, а напротив, в таких же глубоких креслах, расположились главные действующие лица.

Это был военный совет.

На коленях у Серафимы Павловны лежал её неизменный блокнот в кожаном переплете и дорогая перьевая ручка «Паркер», которую ей подарил один благодарный академик лет тридцать назад. Она была готова конспектировать.

Аглая Эдуардовна сидела идеально прямо, сложив руки на коленях. Её взгляд был устремлен в одну точку на стене, где висел пейзаж Петра Петровича. Она анализировала ситуацию так, как привыкла анализировать партию Одетты: выискивая слабое место противника и просчитывая его следующий шаг.

Эльвира Генриховна, сняв туфли и забравшись с ногами на диван, курила длинную тонкую сигарету в мундштуке из

слоновой кости. Дым причудливыми кольцами поднимался к потолку. Она молчала, давая высказаться другим.

— Итак, что мы имеем? — начала Аглая Эдуардовна тоном балетмейстера, дающего вводные труппе. — Объект нашего интереса, назовем его условно «Андрей Иванов», использовал классическую схему. Он выбрал жертву, находящуюся в уязвимом эмоциональном состоянии. Одинокая девушка после потери единственного близкого человека. Горе делает нас слепыми, Екатерина. Вы искали утешения, а он предложил вам сказку. Простую, понятную сказку про Золушку, которая переезжает к принцу-инженеру.

Серафима Павловна быстро записывала, скрипя пером по бумаге.

Мотив: Финансовый. Классическая жажда наживы.

Метод: Эмоциональная манипуляция («любовь»), создание иллюзии совместного будущего (ипотека).

Действие: Получение перевода крупной суммы, возможно на подставное лицо.

Она подняла глаза от блокнота:

— Но есть одна деталь, которая меня настораживает. Слишком гладко. Квартира продана, деньги переведены... Обычно мошенники стараются растянуть общение, чтобы жертва привязалась еще сильнее. А здесь всё произошло стремительно. Как будто он очень торопился.

— Именно! — подхватила Аглая. — Торопливость — признак страха. Или жадности, которая пересилила осто-

рожность. Возможно, у него были временные рамки. Ему нужны были деньги «сегодня».

В разговор вступила Эльвира Генриховна. Она стряхнула пепел в хрустальную пепельницу и выпустила идеальное колечко дыма.

— Язык, mesdames. Я проанализировала скриншоты вашей переписки, которые вы любезно сохранили, Катенька. Его русский язык безупречен для простого инженера. Ни одной орфографической ошибки. Знаки препинания расставлены академически точно. Сложносочиненные предложения, причастные обороты... Так пишут либо филологи, либо люди, прошедшие хорошую школу. Инженер с завода изъясняется проще. Более того, он использует специфические речевые конструкции, свойственные скорее жителю центра Петербурга, чем окраин. Этот человек образован. И он местный.

Катя слушала их, приоткрыв рот. Для неё Андрей был просто добрым парнем с экрана телефона. А эти трое уже превратили его в сложную шахматную фигуру на доске.

— Значит, наш «Иванов» — петербуржец, — констатировала Серафима. — Образованный, возможно, даже интеллигентного происхождения. Что возвращает нас к вопросу: зачем ему такие мелкие аферы?

— Мелкие ли? — возразила Аглая. — Продажа квартиры в регионе — это весьма крупная сумма. Для кого-то это состояние. Для него же... Для него это может быть карманные

расходы. Долги. Азартные игры. Или...

Она сделала паузу.

— ...поддержание определенного статуса. Человек может быть образованным и умным, но если его аппетиты превышают доходы, он ищет быстрые способы обогащения.

Эльвира Генриховна затушила окурок.

— У меня есть предположение. Наш друг — актер. Не обязательно профессиональный артист театра. Возможно, любитель. Играет роль. Роль простого парня ему могла наскучить. Ему нравится сам процесс обмана. Нравится чувствовать свою власть над человеком, играть на струнах чужой души. Он не просто взял деньги. Он разбил сердце. А это садистское удовольствие.

Наступила тишина. Каждая думала о своем.

— Завтра, — наконец произнесла Серафима, закрывая блокнот, — мы пойдем в банк снова. Если Свиридов болен, мы подождем его. Нам нужно официальное подтверждение транзакции. Имя получателя — лишь ширма. Банковские выписки могут дать зацепку. IP-адрес, с которого заходили в личный кабинет, устройство... Это уже сложнее, но начало положено.

— А пока, — Аглая Эдуардовна встала и поправила складки на халате, — всем спать. Мозг должен отдохнуть. Утром экзерсис, завтрак, и в бой. Катя, вы остаетесь здесь. Ваша комната ждет вас. И выбросьте из головы мысли о возвращении домой. Ваш дом теперь здесь, пока мы не разбе-

ремся с этим негодяем.

Катя почувствовала, как к горлу подступает ком. Ей было стыдно за свою глупость, но одновременно она испытывала огромную благодарность к этим трем странным, невероятным женщинам, которые взяли её под свое крыло.

Когда Катю уложили спать, три дамы собрались на кухне для своего вечернего ритуала — последней чашки чая без сахара.

— Он опасен, — тихо сказала Аглая, глядя в темноту за окном. — Умный и образованный преступник — самый страшный тип злодея.

— Ничего, — усмехнулась Эльвира Генриховна, разливая чай. — Нас трое. Мы тоже не лыком шиты. Мы пережили Блокаду, девяностые и три развода на четверых. Справимся и с каким-то интернет-мошенником.

Глава 4. Ангел на шпиле и блокадный клейстер

Утро выдалось ясным и холодным, словно природа решила компенсировать вчерашний дождь. Катя проснулась от запаха кофе и свежей выпечки. Жизнь в квартире трех граций подчинялась строгому, но уютному распорядку: утренний экзерсис Аглаи (Катя сегодня снова лишь наблюдала, замороженная пластикой бывшей примы), совместное приготовление завтрака и обсуждение планов на день.

Сегодня дамы решили совместить приятное с полезным — нанести визит в Исаакиевский собор.

— Душенька, — сказала Серафима Павловна, надевая свое лучшее пальто с каракулевым воротником, — вы должны понимать, где живете. Петербург — это не просто дома и реки. Это слоеный пирог из эпох. И мы начнем с главного купола империи.

Поездка на метро стала для Кати отдельным приключением. Она ожидала увидеть шумную толкучку, но Петроградская сторона хранила свой интеллигентный нрав даже под землей. На станции «Адмиралтейская» дамы вышли, и перед ними во всем своем величии открылся собор.

Они вошли внутрь. Огромное пространство поглотило их шаги. Запах камня и вековой тишины окутал Катю.

— Обратите внимание на колонны, — шепотом начала Серафима Павловна, запрокинув голову. Ее экскурсоводческая натура взяла верх. — Эти монолиты из малахита и лазурита. Знаете ли вы, Екатерина, что если бы мы попытались воссоздать такую колонну из цельного камня, нам бы потребовался блок размером с пятиэтажный дом? Поэтому русские мастера придумали русскую мозаику. Они распиливали камень на тонкие пластины, которые затем наклеивали на мраморную основу.

Аглая Эдуардовна, стоявшая рядом, тихо добавила:

— А клей... В сорок втором году этот рецепт спас много жизней. Когда начался голод, люди варили клейстер из столярного клея. Он был сделан как раз по принципу этой мозаики — на основе костных выварок. Страшно представить, но эти колонны, символ богатства, спасли кого-то от голодной смерти своим составом. Мы варили его с Серафимой. Густая, мутная похлебка... Но она давала силы встать на ноги.

Эльвира Генриховна, рассматривавшая роспись плафона, фыркнула:

— Символично, не находите? Величие империи держится на клее, сваренном из костей. История всегда имеет двойное дно, *ma chérie*.

Они поднялись на колоннаду.

— Вот отсюда, — Серафима оперлась на холодный гранит парапета, — город виден весь целиком. Как на ладони. Ви-

дите тот серый массив на севере? Это Выборгская сторона. Там, за заводами, были рубежи обороны. Мой отец ушел туда добровольцем в ополчение и не вернулся. Просто исчез в тех лесах.

Ветер здесь, на высоте сорока метров, пробирал до костей. Катя смотрела на панораму: Нева, расчерченная мостами, крыши домов, золотые шпили.

— А вон там, видите? — Эльвира Генриховна указала изящной рукой в перчатке на золотой шпиль Петропавловского собора. — Там сидит ангел. Во время Блокады он служил главным ориентиром для немецких артиллеристов. Все знали: стреляют по ангелу. Чтобы сбить прицел, наши альпинисты закрасили его серой краской. Так он и сидел, серый призрак, пока война не кончилась. Город выжил, потому что умел прятать свои символы.

Спускаясь вниз, они прошли мимо группы шумных туристов с селфи-палками.

— Современность, — вздохнула Аглая Эдуардовна. — Им нужен быстрый контент. Сфотографировался на фоне золота — и бежать дальше. Никто уже не смотрит на детали. Не видит трещин на постаментах, не чувствует веса истории.

После музея они зашли в знаменитую пышечную на Большой Конюшенной. Место было культовым, почти таким же, как сам собор.

— Здесь ничего не меняется десятилетиями, — с удовольствием отметила Серафима, беря обсыпанный сахарной пуд-

рой пончик. — Тот же вкус теста, та же посыпка. Это островок стабильности в меняющемся мире.

Пока они пили кофе с пышками, к ним подошел молодой человек, официант.

— Простите, — обратился он к дамам, немного смущаясь. — Вы ведь живете здесь давно? Я слышал ваш разговор про Блокаду... Моя бабушка тоже была блокадницей. Говорила, главное — не терять человеческий облик. Спасибо вам, что вы есть.

Он кивнул и отошел к другим столикам.

— Вот ради таких моментов и стоит жить, — тихо произнесла Эльвира Генриховна, промокнув губы салфеткой. — Пока память передается из рук в руки, город не умрет. И никакой аферист этого не изменит.

Возвращаясь домой, они шли по Невскому проспекту. Мимо них текла толпа: курьеры с желтыми сумками, студенты, бизнесмены, туристы.

— Посмотрите на них, — сказала Аглая. — Каждый несет свою историю. Кто-то счастлив, кто-то несчастен. Наш "Андрей" сейчас наверняка спит или тратит ваши деньги, уверенный в своей безнаказанности. Но он забыл главное правило Петербурга.

— Какое? — спросила Катя.

Серафима Павловна остановилась и посмотрела ей прямо в глаза:

— Этот город помнит всё. И рано или поздно он выстав-

ляет счет. За каждую слезу, за каждую ложь.

Глава 5. Цифровой след на Васильевском острове

На следующее утро Серафима Павловна надела свой самый строгий костюм — темно-синий, в тонкую полоску, который она берегла для чтения лекций перед почетными гостями Русского музея. Аглая Эдуардовна ограничилась элегантным кашемировым палантином, а Эльвира Генриховна решила использовать свое главное оружие: абсолютную уверенность в собственной правоте, помноженную на безупречный французский прононс.

Банк встретил их той же стерильной прохладой, но сегодня за стойкой информации сидел не просто менеджер, а сам управляющий Свиридов, которого срочно вызвали из дома. Узнав имя посетительницы, он понял, что дело пахнет скандалом, который лучше уладить тихо.

— Прошу вас, пройдемте в мой кабинет, — суетливо пригласил он, бросив нервный взгляд на трех дам, чинно шествующих по коридору.

В кабинете, пахнущем дорогой кожей и кофе, управляющий включил компьютер.

— Итак, вы утверждаете, что перевод был совершен под влиянием мошеннических действий? — уточнил он, глядя в основном на Эльвиру Генриховну как на самую опасную

оппонентку.

— Мы утверждаем, — поправила его та, снимая перчатки палец за пальцем, — что наша подопечная стала жертвой тщательно спланированной аферы. И мы требуем содействия в её расследовании. Имя получателя нам известно, но мы полагаем, что это подставное лицо. Нам нужны данные об IP-адресе устройства, с которого была инициирована транзакция, и геолокации.

Управляющий побледнел.

— Это конфиденциальная информация... Банковская тайна...

— А сокрытие данных о преступлении — это статья, молодой человек, — медовым голосом пропела Эльвира Генриховна. — Я всю жизнь преподавала французский дипломатам. Поверьте, я знаю, как работают протоколы безопасности и какие рычаги можно задействовать. Давайте сэкономим время друг другу.

Через полчаса они вышли из банка. В руках у Серафимы Павловны был конверт с распечатками.

— Вот оно! — торжествующе воскликнула она, как только они отошли достаточно далеко от входа. — Смотрите!

Она разложила бумаги на скамейке в сквере. Катя заглядывала ей через плечо.

— Перевод был сделан вчера, в четырнадцать пятнадцать. Деньги ушли на счет физического лица, тут всё верно. Но самое интересное здесь! Транзакция была инициирована с мо-

бильного приложения. IP-адрес... Так-так... Геолокация зафиксирована в момент операции. Васильевский остров!

Аглая Эдуардовна задумчиво посмотрела в сторону Невы.

— Васильевский остров... Улица Нахимова? Средний проспект?

— Нет-нет, смотрите точнее, — Серафима водила пальцем по строчке. — Координаты указывают на конкретную точку. Это... набережная Макарова. Где-то в районе Тучкова моста или чуть дальше.

Эльвира Генриховна удовлетворенно кивнула:

— Très bien. Это уже не виртуальный фантом. Это конкретное место. Человек находился там физически, когда нажимал кнопку «отправить». Он живет там? Или работает? Или просто проходил мимо, используя общественный Wi-Fi?

— Скорее всего, живет, — возразила Аглая. — Мошенники редко используют случайные точки доступа для таких операций. Им нужна стабильность связи. Если он совершил сделку, находясь дома, значит, это его территория. Его логово.

Серафима аккуратно сложила бумаги обратно в конверт.

— План таков. Сейчас мы идем домой пить чай. Нельзя действовать сгоряча. Сначала нужно провести рекогносцировку. Завтра мы отправимся на прогулку на Васильевский остров. Просто посмотрим. Оценим обстановку. Возможно, этот Иванов снимает квартиру, возможно, владеет ею. Мы

должны увидеть это место своими глазами. Глазами историка, балерины и лингвиста.

Вечером того же дня, вооружившись биноклем (принадлежавшим еще деду Аглаи) и картой города, дамы склонились над столом.

— Здесь, — Эльвира Генриховна поставила на карту изящную фарфоровую чашечку. — Дом по набережной Макарова. Типичная застройка начала века. До революции — доходный дом для инженеров и чиновников. Удобное расположение. Рядом мост, метро.

— Балконы выходят на воду, — заметила Аглая, прищурившись. — Хороший вид. Спокойный район. Не проходной двор. Идеальное место для человека, который ценит приватность.

— Значит, будем следить за домом, — подвела итог Серафима. — Установим наблюдение. Рано или поздно наш «инженер» Андрей Иванов выйдет из своей норы. И тогда мы нанесем ему визит вежливости.

Катя смотрела на этих трех женщин, которые за один день превратились из интеллигентных пенсионерок в настоящих детективов-стратегов. Страх, сжимавший ее сердце последние дни, начал уступать место другому чувству — азарту и вере в то, что справедливость действительно существует. И вершат ее три удивительные дамы с Петроградской стороны.

Глава 6. Операция "Скамейка" и дворцовый переворот

На следующий день, ровно в полдень, на набережной Макарова, в тени раскидистого клена, появилась живописная группа. Это были наши дамы и Катя. Они не стали прятаться в кустах или сидеть в машине с тонированными стеклами. Их метод был куда более изящным и вызывающим.

Аглая Эдуардовна, облаченная в элегантный льняной костюм цвета слоновой кости, сидела на скамейке с раскрытой книгой стихов Ахматовой. Она делала вид, что наслаждается поэзией и видом на Неву, но на самом деле её орлиный взор был прикован к окнам третьего этажа дома напротив. Именно там, согласно геолокации, находился «логово» Иванова.

Серафима Павловна и Эльвира Генриховна совершали неспешный моцион по набережной. Серафима с умным видом тыкала зонтиком-тростью в сторону Медного всадника на том берегу, громко делясь с Катей (которая несла корзинку для пикника) историческими фактами:

— А вы знаете, Екатерина, что во время строительства этого моста использовали уникальную систему ящиков-кессонов? Это была передовая технология того времени! Представляете, какой титанический труд?

Эльвира Генриховна, одетая в брючный костюм от Ша-

нель и шляпку с вуалью (которая идеально скрывала направление её взгляда), поддакивала:

— Oui, oui, это было грандиозно. А вон там, видите, катер? Он напоминает мне прогулочную лодку на Сене. Хотя вода в Неве, конечно, гораздо холоднее и суровее.

Их маскировка была безупречной. Со стороны они выглядели как богатые дамы с компаньонкой, решившие насладиться прекрасным летним днем. Но их план столкнулся с непредвиденным препятствием — местной службой безопасности в лице дворника Ибрагима и активисток скамеечного фронта.

Дворник Ибрагим, мужчина кавказской внешности с окладистой седой бородой и пронзительным взглядом, мел тротуар уже третий раз за полчаса, слишком часто оказываясь рядом со скамейкой Аглаи. Он подозрительно косился на её книгу.

— Хорошая погода сегодня, не правда ли? — мелодично спросила Аглая, не отрывая взгляда от окна.

— Для кого хорошая, а для кого работа, — буркнул дворник и демонстративно начал яростно скрести метлой у самых ног балерины.

В этот момент к скамейке подкатилась «тяжелая артиллерия» — три местные пенсионерки из «совета подъезда». Они были полной противоположностью наших героинь: шумные, одетые в практичные спортивные костюмы и тапочки на босу ногу.

— Ишь ты! — начала первая, самая толстая, по имени Клавдия Петровна. — Расселась тут! Наша скамейка-то!

— Ага! — подхватила вторая. — Читает она! Интеллигенция! Небось, высматривает чего? Или записывает? Может, она из этих... риелторов? Квартиру нашу хочет высмотреть?

Серафима Павловна и Эльвира Генриховна мгновенно прекратили свой променад и поспешили к подруге.

— Милые дамы! — Серафима выступила вперед, опираясь на зонтик как на шпагу. — Какая чудесная погода для беседы! Вы ведь местные жительницы? Как замечательно! А мы тут с подругами обсуждаем архитектуру доходных домов начала века. Вот этот дом... — она указала на их объект наблюдения, — ...просто кладезь для историка!

— Историка? — прищурилась Клавдия Петровна. — А чего ж вы тогда за подъездом следите? И дворника нашего нервируете?

Эльвира Генриховна изящно взяла инициативу в свои руки. Она сняла шляпку (вуаль упала) и посмотрела на местных бабушек взглядом строгой учительницы.

— Mon Dieu, какая нелепая ситуация. Мы выглядим как шпионки? Позвольте объясниться. Мы действительно историки-любители. Но наш интерес сугубо личный. Мы ищем одного человека. Мошенника. Он обманул нашу юную подругу Катю (она кивнула на Катю), выманил у неё все деньги за квартиру и исчез.

Упоминание мошенника произвело магический эффект.

Лица местных сплетниц из враждебных стали сочувствующими.

— Обманул? — ахнула третья бабушка. — Изверг!

— А я-то думаю, чего Ибрагим так нервничает! — воскликнула Клавдия Петровна. — Он мне говорит: «Ходят тут всякие, высматривают!» А это вы из-за девоньки вашей страдаете!

Дворник Ибрагим, услышав это, перестал мести и подошел ближе.

— Э-э-э, женщины! Зачем сразу плохо думать? Я смотрю: сидит красиво одетая дама, но лицо грустное. Я думаю: может, она наркотики продает? Или закладку ищет? Я решил присмотреть.

Эльвира Генриховна тонко улыбнулась ему:

— Ибрагим... Вы ведь местный? Вы всех знаете?

— Всех! — гордо заявил дворник. — Я тут двадцать лет работаю. Я как ФСБ! Я всё вижу!

Ситуация развернулась на 180 градусов. Через пять минут дамы уже сидели в гостях у Клавдии Петровны (в её квартире на первом этаже того самого дома) и пили чай с вареньем из крыжовника. Местные бабули и дворник Ибрагим стали их лучшими союзниками.

— В 34-й квартире-то? — Клавдия Петровна задумчиво помешивала чай. — Там Нинка-одиночка живет. С сыном-школьником. Мужа у неё нет.

— А снимает кто? — быстро спросила Серафима.

— Да никто не снимает! Она сама там прописана! Я ж говорю: я всё знаю!

Разочарование было горьким. Геолокация привела их не к логову преступника-мужчины, а к квартире одинокой матери.

— Может, он ей деньги перевел? — предположила Катя упавшим голосом.

И тут Ибрагим хитро прищурился:

— А вот тут я вам помогу. У Нинки-то этой... хахаль есть! Приходит к ней иногда. Не живет, нет! Но приходит. Высокий такой, видный. В очках.

— В очках? — встрепелась Аглая.

— Да! И одевается... как сказать... не как мы тут все. Не как инженер с завода. А как... этот... как артист из телевизора!

Это уже было кое-что.

Они вышли на улицу. Наблюдение продолжалось до самого вечера. Андрей Иванов так и не появился. Но теперь у них был союзник в лице бдительного Ибрагима и целого подъезда информаторов.

По дороге домой в метро Серафима Павловна подвела итог:

— Мы зашли в тупик? Нет! Мы расширили круг поиска. Теперь мы знаем, что наш «инженер» имеет отношение к этой Нине из 34-й квартиры. Он не живет там постоянно,

но бывает часто.

— И он образованный человек с хорошим вкусом, — добавила Аглая Эдуардовна.

— И он осторожен, — закончила Эльвира Генриховна. — Он не светится понапрасну.

Катя смотрела в окно вагона на проносящиеся мимо темные тоннели.

— Дамы... Спасибо вам. Даже если мы его не найдем... я так рада, что познакомилась с вами.

Аглая похлопала её по руке:

— Мы его найдем. Это лишь вопрос времени. У нас есть главное оружие: мы не торопимся и умеем ждать.

Глава 7. Кухня на Васильевском и риелтор с бархатным голосом

Информация от Ибрагима требовала проверки. На следующий день, вооружившись пирожками с капустой (творение Аглаи Эдуардовны) и бутылкой хорошего грузинского вина (выбор Эльвиры Генриховны), дамы вновь отправились на набережную Макарова. Их целью была не слежка, а дипломатическая миссия. Катю и Аглаю было решено оставить дома, дабы не спугнуть хозяйку квартиры, куда они направлялись, своей делегацией.

Дверь в 34-ю квартиру им открыла женщина лет сорока. У неё было простое, усталое лицо человека, который привык к тяжелому труду. Руки, вытирающие полотенцем тарелку, были красноватыми и немного распухшими — руки повара, стоящего у плиты по десять часов в сутки. За её спиной в коридоре виднелись детские кроссовки огромного размера.

— Здравствуйте, — начала Серафима Павловна своим самым располагающим тоном экскурсовода. — Мы ваши соседи... ну, почти. С Петроградской стороны. Мы тут гуляли, познакомились с Ибрагимом, и он нам о вас рассказал.

Нина настороженно прищурилась. В её взгляде читалось: «Ибрагим — тепло. Что он вам наговорил?»

— Он сказал, что вы потрясающе готовите, — быстро

вставила Эльвира Генриховна, протягивая пакет с пирожками. — А мы как раз шли мимо и решили: не можем уйти, не угостившись. И вот... к пирожкам.

Нина несколько секунд смотрела на элегантных старушек, на их безупречные прически и дорогие сумки. Потом её лицо смягчилось. Она увидела не богатых столичных снобов, а просто людей.

— Проходите, — вздохнула она, отступая в сторону. — Только у меня не убрано. Я с ночной смены.

Квартира была стандартной «двушкой» в старом фонде: высокие потолки, скрипучий паркет, но требующая ремонта. Из дальней комнаты доносились звуки видеоигры — там был сын-школьник. Пахло борщом и немного — лекарствами.

Нина провела их на крошечную кухню, где с трудом помещался стол.

— Садитесь. Сейчас чай поставлю.

— Позвольте мне, — мягко остановила её Эльвира Генриховна. Она грациозно взяла чайник и начала священнодействовать, достав из своей бездонной сумки жестяную банку с настоящим цейлонским чаем. — Я считаю, что после ночной смены хозяйка должна отдыхать. А мы с удовольствием поухаживаем.

За чаем с пирожками (которые Нина похвалила совершенно искренне) разговор потек сам собой. Дамы не стали сразу спрашивать про «хахалю». Они начали издалека.

— Тяжело, наверное, одной с сыном? — сочувственно

спросила Серафима.

— Да как сказать... Справляемся. Я в столовой на Судостроительном работаю. Сутки через трое. Зарплата небольшая, но стабильная. Сын уже большой, самостоятельный. В этом году в восьмой класс пойдёт.

— А отец? — снова осторожно поинтересовалась Серафима Павловна.

Нина помрачнела и поджала губы.

— Нет отца. И не было никогда. Я его и не знала толком.

Эльвира Генриховна разлила по чашкам ароматный чай и как бы невзначай добавила:

— Тяжело одной... А ведь у вас еще и мама есть? Ибрагим упоминал...

Нина резко поставила чашку на стол. Звук получился громким и неприятным.

— Ибрагиму бы только языком молотить... Да, есть мама. В доме инвалидов на Смольном проспекте. У неё деменция. Альцгеймер. Я её навещаю раз в неделю. Денег это съедает — ужас. Пенсия по инвалидности мизерная, а там уход хороший, лекарства дорогие нужны... Я всё думаю: может, продать квартиру? Переехать в комнату в коммуналке? Разницу отдать за содержание мамы... Да и на ипотеку для сына когда-нибудь накопить надо бы...

Вот оно. Дамы переглянулись. Картина прояснилась окончательно.

В этот момент раздался звонок в дверь. Нина вздрогнула

и побледнела.

— Это он... — прошептала она.

В коридоре послышались голоса. Один — мужской, уверенный и бархатистый:

— Ниночка, солнышко! Ну что ты решила? Я же говорил, я нашел для тебя идеальный вариант! Комната в новом доме, соседи интеллигентные! А разницу ты положишь в банк под проценты! Это же золотая жила!

Дамы затаили дыхание. Через мгновение на пороге кухни появился он.

Это был высокий, подтянутый мужчина лет сорока пяти в дорогом костюме-тройке. Его волосы были уложены волосок к волоску, а в руках он держал кожаный портфель-дипломат. Он излучал ауру успеха и уверенности.

Увидев компанию женщин за столом, он на секунду замер, но тут же расплылся в самой обаятельной из своих улыбок:

— О! У нас гости? Как неловко... Я помешал?

Его взгляд на мгновение задержался на дамах, оценивая их статус. Профессиональный риелтор мгновенно считал невербальные сигналы: перед ним были не простые соседки-сплетницы.

Эльвира Генриховна медленно поднялась со стула. Её спина была прямой, как у королевы на приеме.

— Нисколько не помешали, monsieur... Простите, мы не представлены. Я Эльвира Генриховна фон Клейст. А это моя подруга: Серафима Павловна Нестерова. Мы обсуждали с

Нинин проблемы социального обеспечения инвалидов в нашем городе. Очень животрепещущая тема.

Мужчина слегка побледнел под своим идеальным загаром, но улыбка не сошла с его лица ни на йоту.

— Очень приятно. Андрей Сергеевич Волков. Риелтор. Я как раз помогаю Нине решить её жилищный вопрос самым выгодным образом.

Он повернулся к Нине:

— Дорогая моя, я оставляю тебе документы еще раз просмотреть. Подумай до завтра. Это предложение упускать нельзя!

Он положил на стол папку с бумагами и направился к выходу из кухни.

Когда его шаги стихли в коридоре и хлопнула входная дверь, Серафима Павловна тихо сказала:

— Ну что ж... Теперь мы знаем его имя полностью: Андрей Сергеевич Волков.

Эльвира Генриховна посмотрела на Нину с материнской жалостью:

— Он давит на вас? Использует вашу любовь к матери?

Нина закрыла лицо руками и кивнула:

— Он говорит... говорит, что если я не соглашусь сама, он найдет способ меня выселить через суд... Что дом старый, коммуникации ветхие... Я боюсь его...

Эльвира Генриховна достала из сумки визитницу и положила на стол свою карточку:

— Нина, дорогая. Не бойтесь его больше. Мы берем это дело в свои руки. Этот человек не просто риелтор-агрессор. Он преступник международного масштаба по имени Андрей Иванов. И он только что совершил роковую ошибку: перешел дорогу нам.

Глава 8. Ночь откровений на Каменноостровском

Вернувшись домой, дамы не стали сразу строить планы мести. День был долгим, полным эмоций — от разочарования до триумфа разоблачения. Они нуждались в тишине и уюте своего дома, чтобы осмыслить полученную информацию.

Вечер прошел в привычном ритуале: легкий ужин (салат из рукколы с кедровыми орешками от Аглаи), уход за собой (масочки для лица, ванночка для рук с морской солью) и, наконец, главное событие дня — вечерний чай под абажуром.

Катя сидела в кресле, слушая рассказ о приключениях дам и сжимая в руках чашку кузнецовского фарфора. Она чувствовала себя выжатой как лимон. Эмоциональные качели этого дня были слишком тяжелы для неё. Дамы же, напротив, казались спокойными и сосредоточенными, словно шахматисты перед решающей партией.

— Итак, — начала Эльвира Генриховна, разливая свежесваренный чай с чабрецом, — у нас есть имя. Андрей Сергеевич Волков. И у нас есть его цель — квартира Нины. Он действует по классической схеме: найти уязвимого человека, создать проблему и предложить решение, которое выгодно только ему.

Серафима Павловна кивнула:

— Нина — идеальный объект. Одинокая мать, финансовые трудности, больной родственник. Он давит на чувство вины и долга. Шантажирует её ветхостью жилья. Мерзавец.

Аглая Эдуардовна молчала, глядя в темное окно на огни Петроградской стороны. Затем она тихо сказала:

— В этом нет ничего нового. Люди всегда искали способы выжить за счет других. Даже тогда... В блокаду.

В комнате повисла тишина. Катя подняла глаза. Она впервые видела, как тень тех страшных лет накрывает лица её новых подруг.

— Расскажите, — попросила она шепотом. — Вы обещали когда-нибудь рассказать.

Дамы переглянулись. Этот разговор назревал давно.

— Что ж, — вздохнула Серафима. — Раз уж сегодня день откровений...

Она встала и подошла к старинному буфету. Достала оттуда не варенье, а маленькую шкатулку из карельской березы. Внутри лежало несколько пожелтевших фотографий.

— Вот, смотрите. Это моя мама. А это я. Мне здесь девять лет. Уже началась блокада.

На фото была смеющаяся девочка с косичками рядом с красивой женщиной в крепдешиновом платье. Счастливый снимок мирного времени.

— Мы жили на Васильевском, недалеко отсюда. Папа ушел на фронт в первые дни. Мама работала на телефонной

станции. Я помню звук метронома по радио. Тик-так... Тик-так... Когда он ускорился, все знали — воздушная тревога.

Аглая взяла фотографию из рук подруги.

— А я жила на Петроградке. Мой отец играл в оркестре радио. Помню концерт седьмого ноября сорок первого года. Он транслировался прямо из студии, пока город бомбили. Музыка звучала, чтобы люди знали — жизнь продолжается. Отец умер во время эфира. Упал у рояля. От голода. Мама завернула его тело в простыню, увезла и уже не вернулась... Я осталась одна.

Её голос дрогнул, но она справилась с собой.

Эльвира Генриховна погладила руку Аглаи.

— Нас спасло то, что мы нашли друг друга. Сначала я увидела Симу в очереди за хлебом. Она стояла такая серьезная, держала талоны так, будто это самое ценное сокровище в мире. Потом мы встретили Аглаю. Она танцевала во дворе. Просто кружилась под снегом, чтобы согреться. Мы поняли, что нам нужно держаться вместе.

— Да, — подхватила Серафима. — Мы создали свой «детский дом». Делились всем. Кусочком хлеба, найденным сухарем, теплом от буржуйки. Однажды мы нашли банку сгущенки. Представляете? Наверное, кто-то забыл её в шкафу еще до войны. Мы не съели её сразу. Мы отковыривали по крошечному кусочку замерзшего сладкого молока и сосали её неделю. Это было наше сокровище.

— Но самое страшное, — продолжила Эльвира, — это бы-

ла не смерть от бомбы. Самое страшное — это голод. Он превращает людей в тени. Он заставляет забыть о том, что ты человек. Моя бабушка научила меня варить суп из столярного клея. Тот самый клейстер, про который я говорила вам в соборе. Варишь кости, добавляешь лавровый лист, если найдешь... Пахнет отвратительно, но дает силы. Мы выжили, потому что верили, что этот кошмар закончится.

Они замолчали. Каждая смотрела на свои руки, которые помнили холод той зимы и тяжесть ведра с водой из Невы.

— Поэтому, Катенька, — Аглая повернулась к девушке, и её взгляд стал твердым, как гранит, — мы не можем оставить всё как есть. Мы видели настоящее зло. Мы знаем, как оно выглядит. Оно прячется за дорогими костюмами и бархатым голосом, как ваш Волков. Но суть его та же — пожирать чужие жизни ради своей выгоды. Мы остановим его. Не ради вас даже, хотя вы стали частью нашей семьи. А ради памяти о том, какими людьми мы поклялись быть тогда, в сорок втором году. Сильными. Справедливыми. Непобедимыми.

Катя почувствовала, как по щекам текут слезы. Но это были уже не слезы отчаяния. Это были слезы благодарности и веры. Эти женщины, прошедшие через ад, приняли её беду как свою собственную.

— Завтра, — сказала Эльвира Генриховна, захлопывая шкатулку, — мы нанесем визит господину Волкову. Но действовать будем не силой. Мы пригласим его сюда. На чай. И посмотрим, как долго продержится его маска, когда он ока-

жется в логове трех старых львиц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.